

*Посвящается
моим дедушкам и бабушкам,
Джеку и Пэтси, Тому и Джин.*

Часть I

ЦАРСТВО НА НИЛЕ

Египет, сад Нила. В те дни он был слабым после долгих лет плохого правления — в борьбе за власть визири предавали друг друга, в то время как халифы удалялись в места роскошного уединения. Однако, несмотря на слабость, Египет был богат. Нил обеспечивал его товарами из самого сердца Африки и питал поля, которые давали обильный урожай, попадавший в закрома халифа в Каире. Царство на Ниле созрело для грабежа, и как крестоносцы, так и сарацины мечтали до него добраться, понимая, что тот, кто будет властвовать в Египте, в конечном счете получит контроль над Святой землей. Король Амори в Иерусалиме это знал. Как и Нур ад-Дин, владыка Сирии. И Саладин...

Хроника Яхья ад-Димашки¹

Глава 1

Октябрь 1163 года: Иерусалим

От пощечины голова Джона дернулась в сторону. Он заморгал, почувствовав вкус крови во рту, огляделся, пытаясь понять, где находится, и застонал от обрушившейся на него мучительной боли в плечах. Он все еще лежал на дыбе, ноги были привязаны, руки зафиксированы высоко над головой. Он посмотрел на рычаг, находившийся справа. Каждый поворот

---

¹ Шихабуддин Ахмад ибн Яхья аль-Умари ад-Димашки (1300(1301)–1349) — арабский ученый-энциклопедист.

еще немного растягивал его руки и ноги. Вероятно, он потерял сознание после последнего. За рычагом он видел квадратное окно, расположенное высоко в каменной стене. Сквозь него сочился тусклый свет. Мгновение назад Джон не сомневался, что еще день. Сколько времени он был без сознания? Он увидел, как рука взялась за рычаг и стала его поворачивать. Джон взвыл, почувствовав, как его плечевые суставы начали смещаться. Перед глазами у него потемнело, и кто-то снова отвесил ему пощечину. Он заморгал и обнаружил склонившегося над ним Ираклия.

Священник обладал почти женской красотой: высокие скулы, изящный нос и полные губы. Глубоко посаженные глаза — голубые, как бирюзовые воды в гавани Акко, в тот день несколько лет назад, когда Джон впервые прибыл в Святую землю, — слегка прищурились. Ираклий изучал свою жертву и улыбнулся, удовлетворенный страданием, которое причинил.

— Оставайся со мной, сакс, — промурлыкал он на латыни с сильным акцентом. Ираклий был не слишком образованным сельским священником из дикой французской провинции Овернь, и в нем присутствовала любовь к крестьянской жестокости. Он наклонился и зашептал Джону на ухо: — Скажи мне, зачем ты сражался за сарацин? Почему предал Святой Крест?

— Я никогда не предавал Веры, — прорычал Джон сквозь стиснутые зубы.

— Лжец! — прошипел Ираклий. — Ты убивал своих братьев христиан, служил неверным, служил силам Сатаны. — Ираклий положил руку на рычаг. Джон вздрогнул. Однако священник не стал его поворачивать; он сделал вид, что изучает рукоять, слегка поглаживая ее пальцами. — Дыба страшная вещь. Еще несколько оборотов, и твои плечи выскочат из суставов. Ты станешь калекой и больше не сможешь поднять меч. — Он наклонился так низко, что Джон

ощутил на лице его горячее дыхание. Их глаза встретились. — Ты провел много лет в Алеппо, сакс. — Ты знаешь, как он укреплен, тебе известны все его слабости. Скажи: как мы можем взять город?

— Я уже говорил. Осада займет много месяцев. Есть только один путь — защитники должны умереть от голода, — ответил Джон.

— Нет! Там должен быть потайной ход, какая-то слабость. — Джон покачал головой. — Ну, я понял. — Ираклий вздохнул и выпрямился. Когда он заговорил снова, его голос зазвучал громче, словно он произносил проповедь в церкви. — Все, что происходит, есть часть плана Господа, сакс, даже твое предательство. Именно Он сделал так, чтобы неверные тебя пленили; ты Его предал и стал им служить. И Господь отдал тебя в наши руки. Ты понимаешь, почему так случилось? Потому что ты узнал нашего врага, его народ, его стены. Ты послан нам Богом, чтобы стать ключом к их уничтожению.

— Ты напрасно тратишь время, — сказал Джон. — Я не знаю никаких тайн.

— Это мы еще увидим, — ответил Ираклий. — Возможно, нам просто нужно найти новые способы тебя убедить. Пепин! Принеси угли.

Джон повернул голову и увидел, что к нему приближается крепкий стражник с квадратным лицом и обернутыми тканью руками, в которых он держал тяжелое бронзовое блюдо с тлеющими углями. Стражник опустил блюдо на столик, стоявший рядом с рычагом дыбы, Ираклий взял щипцы, выбрал уголек величиной с каштан, остановил руку в нескольких дюймах от обнаженного живота Джона и стал перемещать ее вдоль груди к лицу. Джон попытался отвернуть голову, но Пепин схватил его за уши так, что он не мог пошевелиться. Уголек замер над переносицей Джона, и он ощутил сильный жар — как

порыв воздуха из печи — а еще через мгновение почувствовал, что его лоб охватил огонь. Едкий запах наполнил комнату, когда загорелись брови. Ираклий с раскрасневшимся от тлеющего угля лицом вновь над ним наклонился.

— Расскажи мне о своем хозяине, Юсуфе, — потребовал священник.

Джон сглотнул.

— Он эмир Телль-Башира. Его отец правит Дамаском, а дядя, Ширкух, командует армиями царя сарацин, — сказал Джон.

— И как ты оказался у него на службе? — спросил Ираклий.

— Я пришел на Святую землю со Вторым крестовым походом. В Дамаске попал в плен, и Юсуф купил меня в качестве раба. Тогда он был еще мальчишкой.

— Ты спас ему жизнь в битве при Аль-Букайе. Почему?

Джон колебался, глядя на раскаленный уголек.

— Юсуф мой друг, — наконец ответил он.

— Но он неверный! — воскликнул священник.

Джон посмотрел Ираклию в глаза.

— Он лучший человек из всех, кого я знал, — сказал Джон.

— Понятно. — Ираклий отвернулся и уронил уголек обратно на блюдо. Джон выдохнул. — О, я с тобой еще не закончил, — продолжал священник. — Он кивнул Пепину, и тот переставил блюдо на полку под ногами Джона.

Сначала тепло показалось ему даже приятным, но потом ногам Джона стало так жарко, словно он слишком долго сидел у огня. Он попытался отодвинуть ноги в сторону, но его руки все еще оставались вытянутыми вверх, и Джон ощутил острую боль в левом плече. Тогда он постарался лежать неподвижно, зажмурил глаза и стиснув зубы, чтобы сдержать крик.

Ему казалось, будто он чувствует, как на пятках появляются пузыри. А затем огонь исчез. Пепин убрал блюдо с углями. Через мгновение над Джоном склонилось лицо Ираклия.

— А что ты знаешь про Нур ад-Дина, царя сарацин? Ты ведь его видел, верно? — Джон кивнул. — Как его охраняют? Сможет до него добраться убийца?

— В лагере его охраняют мамлюки¹ его личной гвардии. В Алеппо он редко покидает цитадель. Ни один убийца не сможет даже близко к нему подойти.

— Ты клянешься? — осведомился Ираклий.

Джон снова кивнул.

— Клянусь кровью Христа.

— Посмотрим. — Ираклий кивнул Пепину, и тот вернулся на прежнее место блюда с углями.

Теперь боль пришла быстрее. Тело Джона напряглось, и он начал извиваться, несмотря на боль в плечах. Чтобы не кричать, он так сильно прикусил язык, что ощутил вкус крови во рту. Ираклий равнодушно за ним наблюдал. Потом Джон почувствовал запах горящей плоти — его собственной.

— Я сказал правду! — закричал он. — Что тебе от меня нужно, ублюдок? Что ты хочешь от меня услышать?

— Ничего, ничего, я тебе верю, — успокаивающе сказал Ираклий, но затем нахмурился. — Я ошибся. Ты не тот ключ, что поможет нам победить сарацин. Пепин, убери угли.

Жар исчез. Ираклий взял влажную ткань и осторожно обтер ноги Джона. Облегчение было таким сильным, что Джон едва не потерял сознание.

— Слава богу, — пробормотал он.

---

¹ Мамлюки — сословие воинов и управленцев при правителях арабского мира, сформировавшееся из рабов и вольноотпущенников неарабского происхождения.

— Тебе не стоит его благодарить, — сказал Иракий. — Твои страдания только начались.

— Но ты сказал, что веришь мне! — воскликнул Джон.

— Так и есть. — Иракий отложил влажную тряпицу.

Он пересек комнату и остановился перед столом, где лежали пыточные инструменты: тиски для больших пальцев, крюки для разрывания плоти, металлические клыки, носившие название «испанская щекотка», и другие приспособления. Джон надеялся, что их назначения он никогда не узнает. Иракий взял какое-то непонятное, сложное устройство в форме груши с гайкой наверху.

— Теперь, когда мы узнали обо всем, что тебе известно, я должен позаботиться о твоём спасении. Время, проведенное с неверными, запятнало твою душу. Нам следует ее отмыть. — Он принялся отвинчивать гайку, груша начала расширяться, и четыре металлических лепестка разошлись в стороны. — Ты должен страдать за то, что предал свою веру. Таков единственный путь к спасению. — Священник кивнул Пепину: — Открой ему рот. Он должен заплатить за нарушение клятвы крестоносца.

Джон стиснул зубы, но Пепин ухватился одной рукой за его нижнюю челюсть, а другой потянул вверх нос. Как только рот Джона открылся, Иракий засунул внутрь грушу, и Джон ощутил металл и кровь. Иракий слегка повернул гайку, и груша стала раскрываться, распуская металлические лепестки, вынудив Джона шире открыть рот. Он начал давиться и кашлять, и трясти головой, пытаясь выплюнуть грушу, но Пепин вновь схватил его за уши и зажал голову.

В глазах Иракия появились страсть и возбуждение, когда он наблюдал за бессильными попытками Джона избавиться от груши.

— Груша страдания замечательное изобретение, она особенно полезна для наказания богохульников и нарушителей клятв. Сначала у тебя сместится челюсть. — Ираклий еще раз повернул гайку, вынуждая Джона сильнее открыть рот, и он начал испытывать боль. — Потом разорвется рот, и ты будешь изуродован. — Он еще раз повернул гайку. — У Джона появилось ощущение, что у него сейчас сломается челюсть. Он вдавил ногти в ладони, пытаясь бороться с болью. — Если я раскрою грушу до конца, ты больше никогда не сможешь говорить.

Ираклий собрался повернуть гайку еще немного, но его остановил звук приближавшихся шагов. В камеру пыток вошла дюжина солдат в кольчугах — возглавлял их священник с тонзурой и в черном одеянии. Джон его узнал: это был Вильгельм из Тира¹, которого он встречал, когда впервые попал на Святую землю.

— Прекратить! — приказал Вильгельм. — Оставь этого человека в покое!

Ираклий повернулся к нему:

— Патриарх отдал сакса мне. Ты здесь не имеешь власти, Вильгельм.

— Меня поддерживают король и его люди. Этот человек дворянин, — заявил Вильгельм, — и если ему суждено понести наказание, то сначала он должен предстать перед судом равных.

— Этот сакс убивал наших людей. Он связал свою судьбу с неверными сарацинами. И должен страдать, чтобы спасти свою душу! — Ираклий протянул руку к гайке на конце груши.

---

¹ Вильгельм (или Гийом) Тирский (ок. 1130–1186) — реальное историческое лицо, архиепископ и историкограф, автор «Истории деяний в заморских землях», рассказывающей о Палестине и деятельности крестоносцев на Ближнем Востоке до 1184 г.

— Остановите его!

Два стражника схватили Ираклия и оттащили в сторону. Вильгельм подошел к дыбе и повернул рычаг, ослабляя натяжение веревок, связывавших руки и ноги Джона. Стражники вытащили грушу и начали распутывать веревки на руках и ногах Джона. Он облегченно застонал, осторожно двигая руками и ногами, а потом охнул, когда ощутил острую боль в левом плече. Вильгельм помог ему сесть, и Джон успел увидеть, как два стражника вытаскивают Ираклия из камеры пыток. У двери тот умудрился стряхнуть их руки и повернулся к Джону и Вильгельму.

— Это еще не конец! — прорычал Ираклий. — Сакс клятвопреступник. Я позабочусь о том, чтобы он предстал перед Высоким судом. Запомни мои слова, Вильгельм: его сожгут!

* * *

Джона разбудил скрип открывающейся двери, и он заморгал от яркого света, падавшего из окна над его кроватью. Вчера, после того как ему забинтовали ноги, Джона отнесли в крошечную комнатку, расположенную на территории рыцарей-госпитальеров. От боли и изнеможения Джон заснул, как только его положили на кровать.

Он потянулся, отвернулся от стены и увидел, что дверь в комнату открыта, а в углу стоит молодой худой мужчина в монашеской рясе. У чисто выбритого монаха была тонзура, впалые щеки, слабый подбородок и глаза навывкате. Он напомнил Джону богомола. Наклонившись, монах понюхал содержимое бронзового ночного горшка.

— Его черная желчь жидка, — пробормотал монах себе под нос.

— Кто ты такой? — спросил Джон, морщась от боли в левом плече.

Монах поднял голову от ночного горшка.

— О, ты пришел в себя, — сказал он. — Хорошо. Я Деодат, лекарь. Отец Вильгельм прислал меня, чтобы я за тобой ухаживал. — Он подошел к кровати и кивнул на ноги Джона. — Можно?

Джон сел и спустил ноги с кровати. Деодат принялся осторожно разматывать повязку. Подошвы ног Джона были покрыты красными волдырями, из которых сочилась прозрачная жидкость. Деодат коснулся одного из волдырей, и Джон поморщился от боли.

— Твоя плоть горяча. Телесные жидкости разбалансированы, — мрачно сказал лекарь. — Насколько я понял, ты подвергался пыткам на дыбе?

— Да, — сказал Джон. — И я не могу шевелить левой рукой без боли.

Лекарь сжал левое запястье Джона левой рукой, а правую положил ему на плечо. Потом резко дернул руку Джона, и острая боль пронзила его плечо, словно раскаленное железо вошло в тело.

— Проклятье, — прошипел Джон сквозь стиснутые зубы.

Деодат покачал головой, направился к небольшой кожаной сумке и вытащил из нее несколько засушенных корней, ступку и пестик. Прошептав «Отче наш», он принялся растирать корни.

— Что это? — спросил Джон.

— Корень желтого нарцисса для ожогов на твоих ногах. Он оттянет жар. — Закончив растирать корень, лекарь направился к ночному горшку и взял оттуда немного фекалий.

Глаза Джона округлились, когда он увидел, что лекарь добавил фекалии к корню нарцисса и подошел к кровати Джона с отвратительно вонявшей смесью.

Джон сразу убрал ноги.